

Ся Сяому и Нин-Нин часто фотографировали друг друга, когда были вместе. Но когда перед ним оказался объектив телефона Лу Цзинханя, он понял, что фотографирование так смутило его, что он даже не знал, куда девать руки и ноги от смущения.

Он почти прикрыл лицо рукой, умоляя Лу Цзинханя: «Поторопись».

Узел в горле Лу Цзинханя двигался вверх и вниз, когда он нажимал на кнопку затвора.

Он не был уверен, о чем думает Ся Сяому. Его поведение было нечитаемым. Если бы он ему действительно нравился, он был бы более откровенным и не избегал бы его так сильно, как сейчас.

Он всегда был начеку, чтобы не спугнуть Сяому, пока он не привязался к нему окончательно.

Услышав звук «клик», Ся Сяому облегченно вздохнул и неуверенно спросил: «Все готово? Значит, я ухожу?»

Увидев, что Лу Цзинхань не остановил его, Ся Сяому развернулся и убежал в свою комнату, закрыв дверь и прыгнув на кровать, укрывшись одеялом.

«Это так унижительно, что он узнал! Как он будет думать обо мне теперь, когда поймал за скрытой съемкой!»

Ся Сяому прикрыл свое колотящееся сердце, постоянно жалея о том, что был слишком жадным. Если бы он только знал, что так выйдет, то не стал бы рисковать и фотографировать, как он переодевается.

Лу Цзинхань всегда был мужским богом среди студентов университета, и где бы он ни появлялся, кто-нибудь тайком фотографировал его, а потом хвастался перед друзьями.

Будет ли он думать, что он такой же, как эти люди, скучающие и сплетничающие, делающие его фотографии и выкладывающие их повсюду. Хотя он не выглядел злым, в душе он разочарован поступком Сяому?

Чем больше он думал об этом, тем больше сожалел о своей минутной глупости.

На самом деле он сделал фотографии Лу Цзинханя не потому, что Нин-Нин хотела их увидеть.

Он просто хотел услышать, как Нин-Нин кричит: «Как хорош Бог Лу! Какой красавец!»

С тех пор как он побывал в Художественном музее Аояма, он обнаружил, что ему особенно

приятно слышать, как люди вокруг расхваливают Лу Цзинханя, приятнее, чем, даже если они хвалят его.

Поэтому он не мог удержаться от желания похвастаться и услышать, как люди говорят о Лу Цзинхане всевозможные хорошие вещи.

Ся Сяому закрыл лицо одеялом, и в памяти всплыл образ Лу Цзинханя в майке минуту назад.

Это тело было намного лучше, чем у моделей на подиуме, с тугими мышцами, спиной в форме перевернутого треугольника, стройными ногами и смутно различимым прессом, который он хотел потрогать.

А-а-а-а, Ся Сяому!

Ты озабоченный мерзавец!

Перестань думать об этом!

Он пошел в ванную и умыл лицо холодной водой, а затем считал ритм в своей комнате, «раз, два, три, четыре, раз, два, три, четыре», растягивая руки и ноги и делая три комплекса зарядки, прежде чем окончательно успокоился.

Когда он снова вышел из комнаты, Лу Цзинхань уже ушел в офис, а Цзинъи тоже отправилась на занятия с преподавателем. Дома остались только он и тетя Ван.

Ся Сяому нужно было начать работу над фреской, порученную ему Лу Цзинханем, в ближайшие два дня. Он принес складную лестницу, забрался на нее и начал наносить базовый рисунок на стену, держа в одной руке линейку, а в другой - специальную кисть.

Хотя это неправильная геометрическая фигура, она должна быть расположена согласно спецификации и нарисована с соблюдением золотого сечения и точной длины, иначе она не только не будет иметь эстетики, но и будет выглядеть нетрадиционно и неорганизованно, что сделает общий эффект гораздо менее гармоничным.

Поскольку ему пришлось начать сначала с верхней стены, он временами стоял ногами на лестнице, иногда наклоняя свое тело почти до прямой линии, идущей вертикально, а иногда сгибая его под прямым углом вниз.

Когда тетя Ван вышла после уборки кухни и увидела его опасные движения, она так испугалась, что бросилась к нему, чтобы поддержать лестницу: «Сяому, это слишком опасно, что если ты упадешь и поранишься?»

Ся Сяому не остановился и продолжил работать над эскизом: «Все в порядке, я всегда делал это раньше, я привык к этому».

Тетушка Ван все еще не была уверена и продолжала держать лестницу для него, и даже вздыхала время от времени:

«О, Боже, всего несколько фигур вместе, это очень красиво, вы, художники, великолепны, вы можете нарисовать такие красивые узоры всего несколькими штрихами».

Ся Сяому слегка улыбнулся и сказал: «Я просто не знаю, как это будет выглядеть, когда это будет покрашено, я боюсь, что это будет слишком грязно и повлияет на красоту комнаты».

«Это определенно будет выглядеть лучше, я слышала от Цзинханя, что твои картины могут увеличить свою ценность, ты так молод, удивительно, что ты привлек внимание старого мастера».

Ся Сяому знал, что Лу Цзинхань доверял тете Ван, но не ожидал услышать это от нее:

«Вовсе нет, брат Цзинхань так меня хвалил? Мне неловко».

Тетя Ван улыбнулась: «У Цзинханя чистое сердце, но он просто не говорит людям приятные вещи в лицо, поэтому он в невыгодном положении».

Ее лицо стало печальным, она покачала головой и вздохнула: «Всякий раз, когда дети семьи Лу приезжают в старый особняк, они собираются вокруг старого хозяина и льстят ему, каждый из них ласково уговаривает его, убеждая старого хозяина любить их».

«Но Цзинхань не такой, он знает только, как делать свою работу, очевидно, что он лучший из детей семьи Лу, но вдовствующий старик также наиболее суров и строг с ним, это действительно душераздирающе».

«Дети из семьи дядей - все хорошо воспитанные молодые леди и молодые господа, и у них есть родители, которые поддерживают и помогают им, поэтому они получают имущество семьи Лу без проблем».

Только у этих двух нет матери, которая бы их любила, и нет отца, который бы о них заботился. Теперь, когда Цзинхань и Цзиньби выросли, им даже не с кем поговорить».

До Ся Сяому постепенно дошли слова тети Ван.